

Кир Булычев

БЕЛОЕ ПЛАТЬЕ ЗОЛУШКИ

Цикл “Доктор Павлыш”

ebooks@prospekt.org

1.

О НЕКРАСИВОМ БИОФОРМЕ

Ну вот и все. Драч снял последние показания приборов, задраил кожух и отправил стройботов в капсулу. Потом заглянул в пещеру, где прожил два месяца, и ему захотелось апельсинового сока. Так, что закружилась голова. Это реакция на слишком долгое перенапряжение. Но почему именно апельсиновый сок?.. Черт его знает почему. Но чтобы сок журчал ручейком по покатоному полу пещеры – вот он, весь твой, нагнись и лакай из ручья.

Будет тебе апельсиновый сок, сказал Драч. И песни будут. Память его знала, как поются песни, только уверенности в том, что она правильно зафиксировала этот процесс, не было. И будут тихие вечера над озером – он выберет самое глубокое озеро в мире, чтобы обязательно на обрыве, над берегом, росли разлапистые сосны, а из слоя игл в прозрачном, без подлеска, лесу выглядывали крепкие боровики.

Драч выбрался к капсуле и, прежде чем войти в нее, в последний раз взглянул на холмистую равнину, на бурлящее лавой озеро у горизонта и черные облака.

Ну все. Драч нажал сигнал готовности... Померк свет, отлетел, остался на планете ненужный больше пандус. В корабле, дежурившем на орбите, вспыхнул белый огонек.

– Готовьтесь встречать гостя, – сказал капитан.

Через полтора часа Драч перешел по соединительному туннелю на корабль. Невесомость мешала ему координировать движения, хотя не причиняла особых неудобств. Ему вообще мало что причиняло неудобства. Тем более, что команда вела себя тактично, и шуток, которых он опасался, потому что очень устал, не было. Время перегрузок он провел на капитанском мостике и с любопытством разглядывал сменную вахту в амортизационных ваннах. Перегрузки продолжались довольно долго, и Драч выполнял обязанности сторожа. Он не всегда доверял автоматам, потому что за последние месяцы не раз обнаруживал, что сам надежнее, чем они. Драч ревниво следил за пультом и даже в глубине души ждал повода, чтобы вмешаться, но повода не представилось.

Об апельсиновом соке он мечтал до самой Земли. Как назло, апельсиновый сок всегда стоял на столе в кают-компании, и потому Драч не

заходил туда, чтобы не видеть графина с пронзительно-желтой жидкостью.

Драч был единственным пациентом доктора Домби, если вообще Драча можно назвать пациентом.

– Я чувствую неполноценность, – жаловался доктору Драч, – из-за этого проклятого сока.

– Не в соке дело, – возразил Домби. – Твой мозг мог бы придумать другой пункт. Например, мечту о мягкой подушке.

– Но мне хочется апельсинового сока. Вам этого не понять.

– Хорошо еще, что ты говоришь и слышишь, – сказал Домби. – Грунин обходился без этого.

– Относительное утешение, – ответил Драч. – Я не нуждался в этом несколько месяцев.

Домби был встревожен. Три планеты, восемь месяцев дьявольского труда. Драч на пределе. Надо было сократить программу. Но Драч и слышать об этом не хотел.

Аппаратура корабельной лаборатории Домби не годилась, чтобы серьезно обследовать Драча. Оставалась интуиция, а она трещала, как счетчик

Гейгера. И хотя ей нельзя было целиком доверяться, на первом же сеансе связи доктор отправил в центр многословный отчет. Геворкян хмурился, читая его. Он любил краткость.

А у Драча до самой Земли было паршивое настроение. Ему хотелось спать, и короткие наплывы забытья не освежали, а лишь пугали настойчивыми кошмарами.

Мобиль института биоформирования подали вплотную к люку. Домби сказал на прощание: – Я вас навещу. Мне хотелось бы сойтись с вами поближе.

– Считайте, что я улыбнулся, – ответил Драч, – вы приглашены на берег голубого озера.

В мобиле Драча сопровождал молодой сотрудник, которого он не знал. Он чувствовал себя неловко, ему, верно, было неприятно соседство Драча. Отвечая на вопросы, он глядел в окно. Драч подумал, что биоформиста из парня не получится. Драч перешел вперед, где сидел институтский шофер Полачек. Полачек был Драчу рад.

– Не думал, что ты выберешься, – сказал он с подкупающей откровенностью. – Грунин был не

глупей тебя.

– Все-таки обошлось, – ответил Драч. – Устал только.

– Это самое опасное. Я знаю. Кажется, что все в порядке, а мозг отказывает.

У Полачека были тонкие кисти музыканта, и панель пульта казалась клавиатурой рояля. Мобиль шел под низкими облаками, и Драч смотрел вбок, на город, стараясь угадать, что там изменилось.

Геворкян встретил Драча у ворот. Грузный, носатый старик с голубыми глазами сидел на лавочке под вывеской «Институт биоформирования АН СССР». Для Драча, да и не только для Драча, Геворкян давно перестал быть человеком, а превратился в понятие, символ института.

– Ну вот, – сказал Геворкян. – Ты совсем не изменился. Ты отлично выглядишь. Почти все кончилось. Я говорю почти, потому что теперь главные заботы касаются меня. А ты будешь гулять, отдыхать и готовиться.

– К чему?

– Чтобы пить этот самый апельсиновый сок.

– Значит, доктор Домби донес об этом и дела мои совсем плохи?

– Ты дурак, Драч. И всегда был дураком. Чего же мы здесь разговариваем? Это не лучшее место.

Окно в ближайшем корпусе распахнулось, и оттуда выглянули сразу три головы. По дорожке от второй лаборатории бежал, по рассеянности захватив с собой пробирку с синей жидкостью, Дима Димов.

– А я не знал, – оправдывался он, – мне только сейчас сказали.

И Драча охватило блаженное состояние блудного сына, который знает, что на кухне трещат дрова и пахнет жареным тельцом.

– Как же можно? – нападал на Геворкяна Димов. – Меня должны были поставить в известность. Вы лично.

– Какие уж тут тайны, – отвечал Геворкян, будто оправдываясь.

Драч понял, почему Геворкян решил обставить его возвращение без помпы. Геворкян не знал, каким он вернется, а послание Домби его встревожило.

– Ты отлично выглядишь, – сказал Димов.

Кто-то хихикнул. Геворкян цыкнул на зевак, но никто не ушел. Над дорожкой нависали кусты цветущей сирени, и Драч представил себе, какой у нее чудесный запах. Майские жуки проносились, как тяжелые пули, и солнце садилось за старинным особняком, в котором размещалась институтская гостиница.

Они вошли в холл и на минуту остановились у портрета Грунина. Люди на других портретах улыбались. Грунин не улыбался. Он всегда был серьезен. Драчу стало грустно. Грунин был единственным, кто видел, знал, ощущал пустоту и раскаленную обнаженность того мира, откуда он сейчас вернулся.

Драч уже второй час торчал на испытательном стенде. Датчики облепили его как мухи. Провода тянулись во все углы. Димов колдовал у приборов. Геворкян восседал в стороне, разглядывая ленты и косясь на информационные таблицы.

– Ты где будешь ночевать? – спросил Геворкян.

– Хотел бы у себя. Мою комнату не трогали?

– Все как ты оставил.

– Тогда у себя.

– Не рекомендую, – сказал Геворкян. – Тебе лучше отдохнуть в барокамере.

– И все-таки.

– Настаивать я не буду. Хочешь спать в маске, ради бога... – Геворкян замолчал. Кривые ему не нравились, но он не хотел, чтобы Драч это заметил.

– Что вас смутило? – спросил Драч.

– Не вертись, – сказал Димов. – Мешаешь.

– Ты слишком долго пробыл в полевых условиях. Домби должен был отозвать тебя еще два месяца назад.

– Из-за двух месяцев пришлось бы все начинать сначала.

– Ну-ну, – сказал Геворкян. Непонятно было, одобряет он Драча или осуждает.

– Когда вы думаете начать? – спросил Драч.

– Хоть завтра утром. За ночь обработаем все, что записал. Но я тебя очень прошу, спи в

барокамере. Это в твоих интересах.

– Если только в моих интересах... Я зайду к себе.

– Пожалуйста. Ты вообще нам больше не нужен.

«Плохи мои дела, – подумал Драч, направляясь к двери. – Старик сердится».

Драч не спеша пошел к боковому выходу мимо одинаковых белых дверей. Рабочий день давно кончился, но институт, как всегда, не замер и не заснул. Он всегда напоминал Драчу обширную клинику с дежурными сестрами, ночными авралами и срочными операциями. Маленький жилой корпус для кандидатов и для тех, кто вернулся, был позади лабораторий, за баскетбольной площадкой. Тонкие колонны особняка казались голубыми в лунном сиянии. Одно или два окошка в доме светились, и Драч тщетно пытался вспомнить, какое из окошек принадлежало ему. Сколько он прожил здесь? Чуть ли не полгода.

Сколько раз он возвращался вечерами в этот домик с колоннами и, поднимаясь на второй этаж, мысленно подсчитывал дни... Драч вдруг остановился. Он понял, что не хочет входить в этот дом и узнавать вешалку в прихожей,

щербинки на ступеньках лестницы и царапины на перилах. Не хочет видеть коврика перед своей дверью...

Что он увидит в своей комнате? Следы жизни другого Драча, книги, вещи, оставшиеся в прошлом...

Драч отправился назад в испытательный корпус. Геворкян прав – ночь надо провести в барокамере. Без маски. Она надоела на корабле и еще более надоеет в ближайшие недели. Драч пошел напрямик через кусты и спугнул какую-то парочку. Влюбленные целовались на спрятанной в сирени лавочке, и их белые халаты светились издали, как предупредительные огни. Драчу бы их заметить, но не заметил. Он позволил себе расслабиться и этого тоже не заметил. Там, на планете, такого случиться не могло. Мгновение расслабленности означало бы смерть. Не больше и не меньше.

– Это я, Драч, – сказал он влюбленным.

Девушка засмеялась.

– Я жутко перепугалась, здесь темно.

– Вы были там, где погиб Грунин? – спросил парень очень серьезно. Ему хотелось поговорить с Драчом, запомнить эту ночь и неожиданную

встречу.

– Да, там, – ответил Драч, но задерживаться не стал, пошел дальше, к огонькам лаборатории.

Чтобы добраться до своей лаборатории, Драчу предстояло пройти коридором мимо нескольких рабочих залов. Он заглянул в первый зал. Он был разделен прозрачной перегородкой. Даже казалось, будто перегородки нет и зеленоватая вода необъяснимым образом не обрушивается на контрольный стол и двух одинаковых тоненьких девушек за ним.

– Можно войти? – спросил Драч.

Одна из девушек обернулась.

– Ох, – сказала она. – Вы меня напугали. Вы Драч? Вы дублер Грунина, да?

– Правильно. А у вас тут кто?

– Вы его не знаете, – сказала вторая девушка.
– Он уже после вас в институт приехал. Фере, Станислав Фере.

– Почему же, – ответил Драч. – Мы с ним учились. Он был на курс меня младше.

Драч стоял в нерешительности перед стеклом,

стараясь угадать в сплетении водорослей фигуру Фере.

– Вы побудьте у нас, – сказали девушки. – Нам тоже скучно.

– Спасибо.

– Я бы вас вафлями угостила...

– Спасибо, я не люблю вафель. Я ем гвозди.

Девушки засмеялись.

– Вы веселый. А другие переживают. Стасик тоже переживает.

Наконец Драч разглядел Станислава. Он казался бурым холмиком.

– Но это только сначала, правда? – спросила девушка.

– Нет, неправда, – ответил Драч. – Я вот сейчас переживаю.

– Не надо, – сказала вторая девушка. – Геворкян все сделает. Он же гений. Вы боитесь, что слишком долго там были?

– Немножко боюсь. Хотя был предупрежден заранее.

Конечно, его предупредили заранее. Неоднократно предупреждали. Тогда вообще скептически относились к работе Геворкяна. Бессмысленно идти на риск, если есть автоматика. Но институт все-таки существовал, и, конечно, биоформы были нужны. Признание скептиков пришло, когда биоформы Севин и Скавронский спустились к батискафу Балтонена, который лежал, потеряв кабель и плавучесть, на глубине шести километров. Роботов, которые не только бы спустились в трещину, но и догадались, как освободить батискаф и спасти исследователей, не нашлось. А биоформы сделали все, что надо.

– В принципе, – говорил тогда Геворкян на одной пресс-конференции, и это глубоко запало в упрямую голову Драча, – наша работа предугадана сотнями писателей, сказочников в таких подробностях, что не оставляет места для воображения. Мы перестраиваем биологическую структуру человека по заказу, для исполнения какой-то конкретной работы, оставляя за собой возможность раскрутить закрученное. Однако самая сложная часть всего дела – это возвращение к исходной точке. Биотрансформация должна быть подобна одежде, защитному скафандру, который мы можем снять, как только в нем пройдет нужда. Да

мы и не собираемся соперничать с конструкторами скафандров. Мы, биоформисты, подхватываем эстафету там, где они бессильны. Скафандр для работы на глубине в десять километров слишком громоздок, чтобы существо, заключенное в нем, могло исполнить ту же работу, что и на поверхности земли. Но на этой же глубине отлично себя чувствуют некоторые рыбы и моллюски. Принципиально возможно перестроить организм человека так, чтобы он функционировал по тем же законам, что и организм глубоководной рыбы. Но если мы этого достигнем, возникает иная проблема. Я не верю в то, что человек, знающий, что обречен навечно находиться на громадной глубине в среде моллюсков, останется полноценным. А если мы действительно способны вернуть человека в исходное состояние, в общество ему подобных, то биоформия имеет право на существование и может пригодиться человеку.

Тогда проводились первые опыты. На Земле и на Марсе. И желающих было более чем достаточно. Гляциологи и спелеологи, вулканологи и археологи нуждались в дополнительных руках, глазах, коже, легких, жабрах... В институте новичкам говорили, что не все хотели потом с ними расставаться. Рассказывали легенду о спелеологе, снабженном жабрами и громадными, видящими в темноте

глазами, который умудрился сбежать с операционного стола, когда его собрались привести в божеский вид. Он, мол, с тех пор скрывается в залитых ледяной водой бездонных пещерах Китано-Роо, чувствует себя отлично и два раза в месяц отправляет в «Вестник спелеологии» обстоятельные статьи о своих новых открытиях, выцарапанные кремнем на отшлифованных пластинках графита.

Когда Драч появился в институте, у него на счету были пять лет космических полетов, достаточный опыт работы со стройботами и несколько статей по эпиграфике монов. Грунина уже готовили к биоформации, а Драч стал его дублером.

Работать предстояло на громадных раскаленных планетах, где бушевали огненные бури и смерчи, на планетах с невероятным давлением и температурами в шестьсот-восемьсот градусов. Осваивать эти планеты надо было все равно – они были кладовыми ценных металлов и могли стать незаменимыми лабораториями для физиков.

Грунин погиб на третий месяц работы. И если бы не его, Драча упрямство, Геворкяну, самому Геворкяну не преодолеть бы оппозиции. Для Драча же – Геворкян и Димов знали об этом – труднее всего было трансформироваться.

Просыпаться утром и понимать, что ты сегодня менее человек, чем был вчера, а завтра в тебе останется еще меньше от прежнего.

Нет, ты ко всему готов, Геворкян и Димов обсуждали с тобой твои же конструкционные особенности, эксперты приносили на утверждение образцы твоей кожи и объемные модели твоих будущих глаз. Это было любопытно, и это было важно. Но осознать, что касается это именно тебя, до конца было невозможно.

Драч видел Грунина перед отлетом. Во многом он должен был стать похожим на Грунина, вернее, сам он как модель был дальнейшим развитием того, что формально называлось Груниным, но не имело ничего общего с портретом, висящим в холле Центральной лаборатории. В дневнике Грунина, написанным сухо и деловито, были слова: «Чертовски тоскливо жить без языка. Не дай бог тебе пережить это, Драч». Поэтому Геворкян пошел на все, чтобы Драч мог говорить, хоть это и усложнило биоформирование и для Драча было чревато несколькими лишними часами на операционном столе и в горячих биованнах, где наращивалась новая плоть. Так вот, хуже всего было наблюдать за собственной трансформацией и все время подавлять иррациональный страх. Страх остаться таким навсегда.

Драч прекрасно понимал нынешнее состояние Станислава Фере. Фере должен был работать в ядовитых бездонных болотах Хроноса. У Драча было явное преимущество перед Фере. Он мог писать, рисовать, находиться среди людей, мог топтать зеленые лужайки института и подходить к домику с белыми колоннами. Фере до конца экспедиции, пока ему не вернут человеческий облик, был обречен знать, что между ним и всеми остальными людьми, по меньшей мере, прозрачная преграда. Фере знал, на что идет, и приложил немало сил чтобы получить право на эту пытку. Но сейчас ему было несладко.

Драч постучал по перегородке.

– Не будите его, – сказала одна из девушек.

Бурый холмик взметнулся в туче ила, и могучий стального цвета скат бросился к стеклу. Драч инстинктивно отпрянул. Скат замер в сантиметре от перегородки. Тяжелый настойчивый взгляд гипнотизировал.

– Они жутко хищные, – сказала девушка, и Драч внутренне усмехнулся. Слова ее относились к другим, настоящим скатам Хроноса, но это не значило, что Фере менее хищен, чем остальные. Скат осторожно ткнулся мордой в перегородку,

разглядывая Драча. Фере его не узнал.

– Приезжай ко мне на голубое озеро, – сказал Драч.

Маленький тамбур следующего зала был набит молодыми людьми, которые отталкивали друг друга от толстых иллюминаторов и, вырывая друг у друга микрофон, наперебой давали кому-то противоречивые советы.

Драч остановился за спинами советчиков. Сквозь иллюминатор он различил в легком тумане, окутавшем зал, странную фигуру. Некто голубой и неуклюжий реял в воздухе посреди зала, судорожно взмывая кверху, пропадая из поля зрения и появляясь вновь в стекле иллюминатора совсем не с той стороны, откуда можно было его ожидать.

– Шире, шире! Лапы подожми! – кричал в микрофон рыжий негр, но тут же девичья рука вырывала у него микрофон.

– Не слушай его, не слушай... Он совершенно не способен перевоплотиться. Представь себе...

Но Драч так и не узнал, что должен был себе представить тот, кто находился в зале. Существо за иллюминатором исчезло. Тут же в динамике раздался глухой удар, и девушка спросила

деловито: – Ты сильно ушибся?

Ответа не последовало.

– Раскройте люк, – сказала рубенсовская женщина с косой вокруг головы.

Рыжий негр нажал кнопку, и невидимый раньше люк отошел в сторону. Из люка пахнуло пронизывающим холодом. Минус двенадцать, отметил Драч. Теплый воздух из тамбура рванулся внутрь зала, и люк заволокло густым паром. В облаке пара материализовался биоформ. Негр протянул ему маску: – Здесь слишком много кислорода.

Люк закрылся.

Биоформ неловко, одно за другим, стараясь никого не задеть, сложил за спиной покрытые пухом крылья. Шарообразная грудь его трепетала от частого дыхания. Слишком тонкие руки и ноги дрожали.

– Устал? – спросила рубенсовская женщина.

Человек-птица кивнул.

– Надо увеличить площадь крыльев, – сказал рыжий негр.

Драч потихоньку отступил в коридор. Им овладела бесконечная усталость. Только бы добраться до барокамеры, снять маску и забыться.

Утром Геворкян ворчал на лаборантов. Все ему было неладно, не так. Драча он встретил, словно тот ему вчера сильно насолил, а когда Драч спросил: «Со мной что-то не так?» – отвечать не стал, занялся перфолентами.

– Ничего страшного, – сказал Димов, который, видно, не спал ночью ни минуты. – Мы этого ожидали.

– Ожидали? – взревел Геворкян. – Ни черта мы не ожидали. Господь бог создал людей, а мы их перекраиваем. А потом удивляемся, если что не так.

– Ну и что со мной?

– Не трясись.

– Я физически к этому не приспособлен.

– А я не верю, не трясись. Склеим мы тебя обратно. Это займет больше времени, чем мы рассчитывали.

Драч промолчал.

– Ты слишком долго был в своем нынешнем теле. Ты сейчас физически новый вид, род, семейство, отряд разумных существ. А у каждого вида есть свои беды и болезни. А ты, вместо того, чтобы следить за реакциями и беречь себя, изображал испытателя, будто хотел выяснить, при каких же нагрузках твоя оболочка треснет и разлетится ко всем чертям.

– Если бы я этого не делал, то не выполнил бы того, что от меня ожидали.

– Герой, – фыркнул Геворкян. – Твое нынешнее тело болеет. Да, болеет своей, еще не встречавшейся в медицине болезнью. И мы должны будем ремонтировать тебя по мере трансформации. И при этом быть уверенны, что ты не останешься уродом. Или киборгом. В общем, это наша забота. Надо будет тебя пообследовать, а пока можешь отправляться на все четыре стороны.

Драчу не следовало бы этого делать, но он вышел за ворота института и направился вниз, к реке, по узкой аллее парка, просверленного солнечными лучами. Он смотрел на свою короткую тень и думал, что если уж помирать, то

все-таки лучше в обычном, человеческом облике. И тут он увидел девушку. Девушка поднималась по аллее, через каждые пять-шесть шагов она останавливалась и, наклоня голову, прижимала ладонь к уху. Ее длинные волосы были темны от воды. Она шла босиком и смешно поднимала пальцы ног, чтобы не уколоться об острые камешки. Драч хотел сойти с дорожки и спрятаться за куст, чтобы не смущать девушку своим видом, но не успел. Девушка его увидела.

Девушка увидела свинцового цвета черепаху, на панцире которой, словно черепашка поменьше, располагалась полушарием голова с одним выпуклым циклопическим глазом, разделенным на множество ячеек, словно стрекозиный. Черепаха доставала ей до пояса и передвигалась на коротких толстых лапках, которые выдвигались из под панциря. И казалось, что их много, больше десятка. На крутом переднем скосе панциря было несколько отверстий, и из четырех высывались кончики щупалец. Панцирь был поцарапан, кое-где по нему шли неглубокие трещины, они расходились звездочками, будто кто-то молотил по черепахе острой стамеской или стрелял в нее бронебойными пулями. В черепахе было нечто зловещее, словно она была первобытной боевой машинной. Она была не отсюда.

Девушка замерла, забыв отнять ладонь от уха.

Ей хотелось убежать или закричать, но она не посмела сделать ни того, ни другого.

«Вот дурак, – выругал себя Драч. – Теряешь реакцию».

– Извините, – сказала черепаха. Голос ровный и механический, он исходил из-под металлической маски, прикрывавшей голову до самого глаза. Глаз шевелился, словно перегородочки в нем были мягкими.

– Извините, я вас напугал. Я не хотел этого.

– Вы... робот? – спросила девушка.

– Нет, биоформ, – сказал Драч.

– Вы готовитесь на какую-то планету?

Девушке хотелось уйти, но уйти значило показать, что она боится. Она стояла и, наверно, считала про себя до ста, чтобы взять себя в руки.

– Я уже прилетел, – сказал Драч. – Вы идите дальше, не смотрите на меня.

– Спасибо, – вырвалось у девушки, и она на цыпочках, забыв о колючих камешках, обежала Драча. Она крикнула вслед ему: – До свидания.

Шаги растворились в шорохе листвы и

суетливых майских звуках прозрачного теплого леса. Драч вышел к реке и остановился на невысоком обрыве, рядом со скамейкой. Он представил, что садится на скамейку, и от этого стало совсем тошно. Хорошо бы сейчас сигануть с обрыва – и конец. Это была одна из самых глупых мыслей, которые посещали Драча за последние месяцы. Он мог с таким же успехом прыгнуть в Ниагарский водопад, и ничего бы с ним не случилось. Ровным счетом ничего. Он побывал куда в худших переделках.

Девушка вернулась. Она подошла тихо, села на скамейку и смотрела перед собой, положив узкие ладони на колени.

– Я сначала решила, что вы какая-то машина. Вы очень тяжелый?

– Да. Я тяжелый.

– Знаете, я так неудачно нырнула, что до сих пор не могу вытрясти воду из уха. С вами так бывало?

– Бывало, – сказал Драч.

– Меня зовут Кристиной, – сказала девушка. – Я тут недалеко живу, в гостях. У бабушки. Я, как дура, испугалась, убежала, и, наверно, вас обидела.

– Ни в коем случае. Я на вашем месте убежал бы сразу.

– Я только отошла и вспомнила. Вы же были на тех планетах, где и Грунин. Вам, наверно, досталось?..

– Это уже прошлое. А если все будет в порядке, через месяц вы меня не узнаете.

– Конечно, не узнаю.

Волосы Кристины быстро высохали под ветром.

– Вы знаете, – сказала Кристина, – вы мой первый знакомый космонавт.

– Вам повезло. Вы учитесь?

– Я живу в Таллинне. Там и учусь. Может, мне и повезло. На свете есть много простых космонавтов. И совсем мало таких...

– Наверно, человек двадцать.

– А вы потом, когда отдохнете, снова поменяете тело? Станете рыбой или птицей?

– Этого еще не делали. Даже одной перестройки много для одного человека.

- Жаль.
- Почему?
- Это очень интересно – все испытать.
- Достаточно одного раза.
- Вы чем-то расстроены? Вы устали?
- Да, – сказал Драч.

Девушка осторожно протянула руку и дотронулась до панциря.

- Вы что-нибудь чувствуете?
- По мне надо ударить молотом, чтобы я почувствовал.
- Обидно. Я вас погладила.
- Хотите пожалеть меня?
- Хочу. А что?

«...Вот и пожалела, – подумал Драч. – Как в сказке: красавица полюбит чудище, а чудище превратится в доброго молодца. У Геворкяна проблемы, датчики, графики, а она пожалела – и никаких проблем. Ну разве только высмотреть поблизости аленький цветочек, чтобы все как по

писанному...»

– Когда выздоровеете, приезжайте ко мне. Я живу под Таллинном, в поселке, на берегу моря. А вокруг сосны. Вам приятно будет там отдохнуть.

– Спасибо за приглашение, – поблагодарил Драч. – Мне пора идти. А то хватятся.

– Я провожу вас, если вы не возражаете.

Они пошли обратно медленно, потому что Кристина считала, что Драчу трудно идти быстро, а Драч, который мог обогнать любого бегуна на Земле, не спешил. Он послушно рассказывал ей о вещах, которые нельзя описать словами. Кристине казалось, что она все видит, хотя представляла она себе все совсем не так, как было на самом деле.

– Я завтра приду к той скамейке, – тихо проговорила Кристина. – Только не знаю, во сколько.

– Завтра я, наверно, буду занят, – сказал Драч, потому что подозревал, что его жалеют.

– Ну как получится, – ответила Кристина. – Как получится...

Драч спросил у Полачека, который копался в моторе мобиля, где Геворкян. Полачек сказал, что у себя в кабинете. К нему прилетели какие-то вулканологи, наверное, будут готовить нового биоформа.

Драч прошел в главный корпус. В предбаннике перед кабинетом Геворкяна было пусто. Драч приподнялся на задних лапах и снял со стола Марины Антоновны чистый лист бумаги и карандаш. Он положил лист на пол и, взяв карандаш, попытался нарисовать профиль Кристины. Дверь в кабинет Геворкяна была прикрыта неплотно, и Драч различал густой рокот его голоса. Потом другой голос, повыше, сказал: – Мы все понимаем и, если бы не обстоятельства, никогда бы не настаивали.

– Ну никого, ровным счетом никого, – гудел Геворкян.

– За исключением Драча.

Драч сделал два шага к двери. Теперь он слышал каждое слово.

– Мы не говорим о самом Драче, – настаивал вулканолог. – Но должны же быть подобные биоформы.

– У нас не было заказов в последнее время. А Саразин будет готов к работе только через месяц. Кроме того, он не совсем приспособлен...

– Но послушайте. Вся работа займет час, от силы два. Драч провел несколько месяцев в значительно более трудной обстановке...

– Вот именно поэтому я не могу рисковать.

Геворкян зашелестел бумагой, и Драч представил, как он протягивает вулканологам кипу лент.

– Я не представляю, как мы вытянем его и без такой поездки. Его организм работал на пределе, вернее за пределом. Мы начнем трансформацию со всей возможной осторожностью. И никаких нагрузок. Никаких... Если он полетит с вами...

– Ну простите. Пока ваш Саразин будет готов...

Драч толкнул дверь, не рассчитал удара, и дверь отлетела, словно в нее попало пушечное ядро.

Последовала немая сцена. Три лица, обращенные к громадной черепахе. Один из вулканологов оказался розовым толстяком.

– Я Драч, – обратился Драч к толстяку, чтобы сразу рассеять недоумение. – Вы обо мне говорили.

– Я тебя не приглашал, – перебил его Геворкян.

– Рассказывайте, – сказал Драч толстому вулканологу.

Тот закашлялся, глядя на Геворкяна.

– Так вот, – вмешался второй вулканолог, высохший и будто обугленный.

– Извержение Осенней сопки на Камчатке, мы полагаем, то есть мы уверены, что, если не прочистить основной, забитый породой канал, лава прорвется на западный склон. На западном склоне сейсмическая станция. Ниже, в долине, поселок и завод...

– И эвакуировать некогда?

– Эвакуация идет. Но мы не можем демонтировать завод и станцию. Нам для этого надо три дня. Кроме того, в четырех километрах за заводом начинается Куваевск. Мы запускали к кратеру мобиль со взрывчаткой. Его просто отбросило. И хорошо, что не на станцию...

Геворкян стукнул кулаком по столу:

– Драч, я не позволю. Там температуры на пределе. На самом пределе. Это самоубийство!

– Позвольте, – сказал Драч.

– Идиот, – вспылил Геворкян. – Извержения может и не быть.

– Будет, – грустно сказал толстяк.

Драч направился к двери. Высохший вулканолог последовал за ним. Толстяк остался, пожал плечами, сказал Геворкяну: – Мы примем все меры. Все возможные меры.

– Ничего подобного, – не соглашался Геворкян. – Я лечу с вами.

Он включил видеоселектор и вызвал Димова.

– Это просто великолепно, – сказал толстяк. – Ну просто великолепно.

Проходя через предбанник, Драч подхватил щупальцем с пола листок с профилем Кристины, смял его в тугой комок и выбросил в корзину. Движения щупалец были так быстры, что вулканолог, шедший на шаг сзади ничего не разглядел.

Над Осенней сопкой поднимался широкий столб черного дыма и сливался с низкими облаками, окрашивая их в бурый цвет. На посадочной площадке неподалеку от подножия сопки стояло несколько мобилей, в стороне роботы под надзором техников собирали бур, похожий на веретено. Под тентом, спасавшим от мелкого грязного дождя, но не защищавшим от ветра и холода, на низком столике лежали, придавленные камнями, схемы и диаграммы. Драч задержался, разглядывая верхнюю диаграмму. Лава не могла пробиться сквозь старый, миллион лет назад забитый породой канал. Лишь газы прорывались сквозь трещины в базальтовой пробке. Зато с каждой минутой все больше трещин образовывалось на слабом западном склоне.

Человек в белом шлеме и огнеупорном скафандре снимал данные с радиограммы зондов. Другой вулканолог принимал сообщения наблюдателей. Новости не сулили ничего хорошего.

Димов протянул Геворкяну записку с цифрами давления и температур в жерле.

– На самом пределе, – сказал он. – На самом пределе.

Он знал, что Драч все равно уйдет в вулкан, и в голосе его была печальная отрешенность.

Заряды были готовы.

Толстый вулканолог принес шлемы для Геворкяна и Димова.

– Час назад они запускали к кратеру мобиль, – сказал он виновато, – хотели приземлить его у трещины. Он разбился, и взрыв ничего не дал.

– Вас Куваевск вызывает, – сказал радист. – Они начали демонтаж завода, но еще надеются.

– Ответьте им, чтобы подождали час. На мою ответственность.

Толстый вулканолог посмотрел на Драча, будто ожидал поддержки.

– Пошли, – сказал Драч.

Геворкян надел шлем. Шлем был велик и опустился до самых бровей. Геворкян стал похож на старого рыцаря, который во главе горстки храбрецов должен защищать страну от нашествия вражеских армий. Таким его и запомнил Драч.

Драча подняли на мобиле к кромке старого

кратера. Усталый вулканолог в грязном шлеме – он за последние три дня пытался пройти к жерлу – повторил инструкции, которые Драч уже знал наизусть.

– Трещину видно отсюда. Конечно, когда рассеивается дым. Вы спускаетесь по ней восемьдесят метров. Там свободно. Мы зондировали. И укладываете заряды. Потом выбираетесь, и мы взрываем их дистанционно. Там уклон до шестидесяти градусов. Сможете?

Вулканолог с трудом заставлял себя обращаться на «вы» к свинцовой черепахе. Он столько раз сталкивался с автозондами, стройботами и прочими машинами, схожими чем-то с этой черепахой, что ему все время приходилось уговаривать себя, что перед ним человек-биоформ. И еще он смертельно устал из-за этого проклятого вулкана.

– Смогу, – ответил Драч. – Шестидесять градусов мне по зубам.

Перед тем как снять маску и передать ее вулканологу, он сказал:

– Маску не потеряйте. Она мне еще пригодится. Без нее я глух и нем.

– А как вы будете дышать?